

8) рассказ Василия, 9) Хроника Георгия Амартола, 10) сочинение Мефодия Патарского, 11) договоры русских князей с греками.

При анализе указанных источников Сухомлинов пользуется в качестве основного приема, механического и субъективного по существу, сравнением параллельных текстов, на основании результатов которого и делает все свои выводы о летописях. При сравнительном анализе «Исповедания веры» и летописи Сухомлинов аргументирует: ... «сравнение может до некоторой степени восстановить текст летописи, показывая, какое из чтений различных списков должно быть признано правильным». Социальное бытие, как видно из приведенного аргумента о значении сравнения, при анализе литературного памятника эпохи автором в расчет не принимается. Исторические достижения исследования кратко сформулированы в заключительной части раздела: «таковы главнейшие источники, послужившие к составлению древней летописи. В выборе их ясно обнаруживаются век и образованность летописца, а в цепи заимствований — искусство его, как писателя... между источниками первое место занимают книги св. писания, главнейший и необходимый источник верований и убеждений всякого христианского общества и его органа — писателя» (разрядка наша). Нетрудно заметить, что «научная объективность» нарушена и сам ученый выступает идеологом официальной государственности, которая, в свою очередь, является отражением идеологии господствующих классов.

К представителям сравнительного метода примыкал и акад. Жданов; его магистерская диссертация: «К литературной истории русской былевой поэзии» (1881 г., отд. книга), представляет собой яркое явление среди работ, методологически подобных. Его приверженность к теории заимствования выражена вместе с задачами указанной работы в предисловии: «Теперь все более и более, — пишет Жданов, — накаплиется фактов, с очевидностью указывающих на то могущественное влияние, которое оказывает «книга» на «песню», памятники письменности на устную словесность. В своем небольшом труде я привожу несколько таких именно фактов литературного общения между книжным и не книжным людом. Проникает в народ библейско-апокрифное сказание о Самсоне-Святогоре. Сказание нравится, появляется былевая песня о могучем богатыре Самсоне-Святогоре. Другой пример еще более примечательный. С конца XV в. начинаются у нас более живые, более частые сношения с Западом. Стали появляться в русской письменности переводы с латинского, с немецкого. Так появляется, между прочим, перевод одного немецкого поучительного диалога. Проходит немного времени, и этот переводный диалог переделывается в народную